

РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

ЖИЗНЕОПИСАНИЯ

XVII век

1273611

Москва

Издательство "Книжная палата"

1997

Никон

1605—1681

В последние дни кратковременного царствования Федора Годунова у молодого крестьянина Мины родился сын Никита. Мать Никиты вскоре умерла, а отец привел в дом другую женщину с ее детьми. Своим характером она вполне оправдала известную на Руси славу мачехи. Правда, первые годы своей жизни Никита провел в избе какой-то Аксиньи, взявшей на себя попечение о ребенке. На пятом или шестом году мальчик вернулся к отцу, и тогда началось его грустное житье-бытье. Из-за равнодушия отца и ненависти мачехи маленький Никита рос в семье тихим, неразговорчивым ребенком, безответным перед побоями, а тем более попреками. Он подружился с дочерью священника села Колычево и вошел в их семью. По сути дела, Никита переселился в Колычево, где выучился читать и писать, играл с детьми священника — Павлом и Настей. Любознательность мальчика была настолько велика, что его многочисленные вопросы священнику отцу Ивану, главе семейства, нередко ставили того в тупик.

В 17 лет Никита по просьбе отца вернулся домой. Он был единственным наследником крестьянского хозяйства отца. Но ему претила крестьянская жизнь, полная хлопот и забот. После женитьбы на дочери священника Ивана Настасье он возглавил приход в селе Колычево. Это произошло в 1625 г.

Через 10 лет Никита решил покинуть суетный мир и уйти в монахи. Немало этому способствовали и семейные трагедии. Все три ребенка Никиты умерли. Он уговорил жену постричься в монахини и, сдав ее в Алексеевский монастырь, сам отправился на Соловки к настоятелю скита Элеазару и принял пострижение с именем Никон. Через почти семь лет между старцем Элеазаром и Никоном произошла серьезная ссора, в результате чего ему пришлось бежать. Новое пристанище Никон нашел в Кожеозерском монастыре в Олонецкой губернии. Через год, когда умер кожеозерский игумен, он занял это место. Монастырь при Никоне изменился, суровая дисциплина, более согласовавшаяся с характером Никона, повлияла заметно на поведение и образ жизни монахов. В 1646 г., когда Никон отправился в Москву за сбором подаяния и, по обыкновению того времени, явился на поклон царю, произошла встреча его с Алексеем Михайловичем. Много видевший и много знавший Никон сумел произвести сильное впечатление на государя. В результате Алексей Михайлович предложил Никону остаться в Москве. Он был поставлен архимандритом Новоспасского монастыря и примкнул здесь к влиятельному кружку «ревнителей благочестия». Его участники, принадлежавшие к высшим духовным и светским слоям русского общества, выступали за обновление церковной жизни, за утверждение строгой нравственности среди народа.

Дружба царя и Никона крепла, и вскоре Алексей Михайлович выказал новый знак внимания и расположения к «собинному другу» — добился назначения Никона на пост митрополита в Новгороде. В 1652 г. Никон был возведен в сан патриарха, а весной 1653 г. он начал проведение церковной реформы. Казалось бы, новый патриарх должен претворять в жизнь идеи «ревнителей». Но он сосредоточился исключительно на усилении своей власти и на исправлении церковных книг и обрядов. Исправление шло не по старинным рукописным книгам, русским или греческим, а по новым венецианским изданиям, какими пользовалась греческая Церковь. Возник конфликт, а впоследствии и раскол в Церкви. Старообрядцы, среди которых было немало бывших единомышленников Никона по кружку «ревнителей благочестия», стали жестоко преследоваться.

Недовольство в придворных кругах усилением власти, сосредоточенной в руках Никона, дополнилось разногласиями с царем Алексеем Михайловичем относительно церковной реформы. Никон был глубоко убежден в том, что реформа настолько укрепит Церковь, что она должна будет полностью освободиться от опеки светской власти. Это, естественно, не могло нравиться Алексею Михайловичу. Между ними начинает расти неприязнь. Окончательный разрыв отношений произошел в 1658 г. Никон предпринял демарш и, оставив патриаршество, уехал в основанный им Новоиерусалимский Воскресенский монастырь под Москвой. Он полагал, что через некоторое время Алексей Михайлович пришлет представителей и попросит патриарха вернуться в Москву. Но этого не произошло. Более того, Никону приказали оставаться в монастыре. Когда в 1664 г. он самовольно вернулся в Москву, его выслали обратно. А проведенный двумя годами позже церковный собор официально лишил Никона высшего церковного сана. Бывший теперь уже патриарх был сослан в Ферапонтов Белозерский монастырь. Жизнь свою Никон закончил в дороге, когда в 1681 г. царь Федор Алексеевич разрешил ему вернуться в Новоиерусалимский монастырь.

* * *

Колоритная фигура Никона не могла не привлекать к себе внимания историков. В XIX и в начале XX столетия вышло немало исследований, посвященных жизни и деятельности патриарха Никона.

В центре внимания исследователей была церковная реформа и связанная с ней борьба в церковных кругах и в обществе. Не остались без внимания вопросы взаимоотношений патриарха Никона с царем. Из обобщающих работ, в которых говорится о патриархе Никоне, следует назвать прежде всего труды таких крупных авторитетов русской исторической мысли, как В. О. Ключевский и С. М. Соловьев (9, 12). У В. О. Ключевского читатель найдет емкие и достаточно содержательные характеристики личности Никона — как патриарха,

так и просто человека. С. М. Соловьев на основе богатого фактического материала показывает взлет Никона в церковной иерархии, характер борьбы с раскольниками, анализирует взаимоотношения с царем Алексеем Михайловичем, определяет причину опалы патриарха.

Читателю будет интересно познакомиться с мнением большого знатока истории Русской православной церкви Н. Ф. Каптерева относительно роли Никона в проведении церковной реформы (7, 8). Этот ученый, творивший на рубеже XIX и XX вв., внес весомый вклад в освещение этой проблемы. Значимость исследований Н. Ф. Каптерева определяется еще и тем, что в них представлена иная, чем бытовавшая в то время в официальных православных кругах, точка зрения по поводу никоновских реформ. Ученому пришлось претерпеть немало гонений. Но время подтвердило правоту его воззрений.

Среди работ современных авторов, обратившихся к личности патриарха Никона, можно назвать исследования А. П. Богданова и В. И. Буганова (2, 3, 4). Историки в своих рассуждениях опираются на труды российских ученых XIX — начала XX в., а также на ранее неизвестные архивные материалы. При всей серьезности и значимости темы работы названных авторов отличает доступность для самых широких читательских кругов. Книги написаны художественным языком и могут читаться как исторические романы. Из числа других современных авторов, в поле зрения которых попали проблемы никоновских реформ, можно назвать Г. П. Гунн (6), О. Е. Кошелеву (11), Г. В. Алферову (1), О. Ф. Козлова (10). Каждый из них, обратившись к какому-то отдельному аспекту жизни и деятельности Никона, несомненно, способствует созданию у читателя целостного портрета многогранной личности патриарха.

ФАКТЫ И МНЕНИЯ

Дата отбытия Никона с Анзера нам известна и подтверждена самим Никоном (в грамоте об основании Кийостровского монастыря). Было это в 1639 г., очевидно, в конце лета. Суденьшко, на котором плыл Никон, попало в бурю и едва не затонуло. Путники спаслись на скалистом островке, называемом Кий. Здесь Никон поставил деревянный крест в память о своем чудесном спасении, а позже, в 1656 г., основал на острове Крестный монастырь.

Такой человек как Никон вряд ли мог поступать необдуманно. Уходя с Анзера, он знал, куда держит путь. Если бы он хотел вовсе уйти из Поморья, проще было бы совершить более короткое и безопасное плавание на Суму или Сороку, откуда шел путь в новгородские земли. Однако он поплыл на онежское устье. Путь его был в ближний к Соловкам и Анзеру поморский монастырь — Кожезерский. Монастырь этот был известен на Севере в первой половине

XVII в., известен и в Москве — сюда ссылались опальные бояре. Соловецкая вотчина соседствовала с владениями Кожеозерского монастыря, случались и тяжбы между монастырями. Существовали и духовные взаимоотношения, монахи переходили из одного монастыря в другой.

Кожеозерский монастырь находился в нежилой местности, в ста с лишним верстах от устьеужского селения. Однако это была вовсе не захудалая обитель, а монастырь с хорошо налаженным хозяйством, с немногочисленной, но высокообразованной братией. Для приема в монастырь существовал имущественный ценз. Так, Шушерин сообщает, что в монастырь не принимали без вклада. Никон же, «не имеюшу что вkladу им дати, отдал им и последния от своих трудов две книги: полуустав и каноник».

Незадолго до прихода Никона в Кожеозерском монастыре представился пустынник Никодим Кожеозерский, еще при жизни считавшийся святым. По примеру ли подвижника, возревновав к его славе, или в жажде уединения Никон избрал путь пустынночества и показал себя строгим отшельником, достойным учеником Елеазара Анзерского.

Поступок Никона снова повергает нас в недоумение. Исходя из представления о Никоне-честолубце, его трудно понять: Никон как будто бы отрезал от себя все связи с миром. Но в этой противоречивости заключается, как нам кажется, и разгадка личности Никона. Мы сказали уже, что душа этого человека раздиралась двумя крайностями. Судьбой было предоставлено ему два пути. Одним было пустынноческое житие, полный уход от мира, другим был путь волевого участия в делах мира на церковном поприще. Одним был путь святости, другим путь святительства. Первым путем твердо шел Елеазар, и Никона манил этот путь, путь высшего духовного подвига. Он ощущал в себе великие силы, легко переносил требования монашеской дисциплины, но ветхая мантия пустынника была не по мерке его властной натуре. Пустынничество требовало умаления, отказа от своей личности, а натура Никона восставала против этого. На Анзере его тяготил духовный авторитет Елеазара, он ушел от учителя, ушел не на Соловки, где выглядел бы перебежчиком и где растворился бы в иноческой массе людного монастыря, а ушел в самый удаленный и труднодоступный по бездорожью монастырь Севера, где стал независимым пустынником. Никон везде хотел быть первым!

Но и здесь судьба вскоре снова предоставила возможность сделать выбор. В середине 1642 г. скончался игумен Кожеозерского монастыря Иона. На его место братия избрала недавнего пришельца Никона. Мы можем спросить: почему? Разве не было в монастыре старых монахов, пользовавшихся авторитетом?

Очевидно, немалую роль в этом сыграло то, что Никон считался учеником Елеазара Анзерского, а Елеазара, конечно, знали на

Кожозере. Если так, то имя анзерского аскета открыло Никону путь к возвышению и подняло на первую ступень.

Но было и другое обстоятельство. Кожеозерскую обитель раздирали внутренние распри. Монастырская хроника свидетельствует, что зачинщиком их был ссыльный князь Борис Васильевич Львов (инок Боголеп), вокруг которого сгруппировался кружок образованных иноков. Была, очевидно, партия, им противостоящая. В такой ситуации Никон был удобной кандидатурой как человек новый, стоящий вне монастырских споров.

Отметим и бесспорные личные качества Никона: властную силу, способность привлекать к себе людей, дар обворожения, за что впоследствии получит он от Аввакума наряду с кличкой «борзой кобель» и прозвище «лиса». («Егда ж приехал, с нами яко лис: челом да здорово... Егда поставили патриархом, так друзей не стал и в крестовую пускать».)

Став игуменом, Никон оказался в своей стихии власти. Он правил обителью твердой рукой: жесткий в обиходе, он не щадил сил для преуспевания обители, ведь ее возвеличение было и его возвеличением. За три года игуменства (1643—1646) он добился шести царских грамот (пять от Михаила Федоровича и одна от Алексея Михайловича) на еще одну деревеньку с покосами, на новые рыбные ловли, на право беспошлинной торговли солью и пр. Монастырь креп и благоденствовал, число братии увеличилось до ста человек...

Далее в судьбе Никона происходит внезапный взлет, объяснению которого и посвящена наша работа.

В 1646 г. Никон прибывает в Москву по монастырским делам. В какой мере монастырские дела служили прикрытием его честолюбивым замыслам — гадать не будем. Бесспорно, что Никон-игумен хотел заявить о себе перед правительством нового царя.

К этому факту добавим немного воображения. На престоле семнадцатилетний отрок, всего год как воцарившийся. Юный царь воспитан в духе древнерусского благочестия. Он знает и почитает имя старца Елеазара как своего молитвенного отца. И вот перед ним предстает суровый человек с властным взглядом, ученик того самого Елеазара... Безусловно, Никон произвел на юного царя огромное впечатление, дополняемое осознаваемой обоими их духовной связью. Связь эта называлась духовным братством. Царь мог считать себя чадом молитв анзерского пустынноика. Никон мог называться сыном своего духовного отца — Елеазар был его восприемником во иночестве и учителем. Для впечатлительного, глубоко верующего древнерусского человека, каким был царь Алексей Михайлович, это ощущение таинственной связи было решающим. Перед этой тайной смолкали сословные различия, мужицкий сын мог стать «собинным другом», а юный царь нуждался в старшем друге и духовном авторитете. Молитвами Елеазара он считался вызванным в бытие, молитвами и советами ему должен был сопутствовать на пути царствования.

ния ученик Елеазара. Так или иначе царь увидел во встрече с Никоном провиденциальный смысл. Он не отпустил от себя северного игумена, а приблизил к себе и содействовал его дальнейшему возвышению. Так имя Елеазара открыло Никону двери в царский дворец.

А сам Елеазар? Верный пустынноческому идеалу, он отказался от участия в делах земной церкви и отверг все возможности возвеличения, которые могли ему представиться. Один из последних древнерусских святых, он шел за Нилом Сорским и «заволжскими старцами».

Но то, что было отвергнуто Елеазаром, было подхвачено Никоном. Не Нил Сорский с его идеалом нестяжательства и внутреннего подвига, а Иосиф Волоцкий, сочетавший монашескую строгость с активным участием в земных делах, был ему близок по духу (хотя старообрядцы и упрекали Никона в неуважении к Иосифу Волоцкому и другим святым).

Мы не знаем, встречался ли Никон со своим учителем во время поездки на Соловки за мощами митрополита Филиппа, скорее всего, что нет. Однако некоторые его распоряжения в бытность новгородским митрополитом показывают, что Анзеру он покровительствовал. Поведение Никона на Соловках (помимо мощей Филиппа Колычева он увез оттуда несколько драгоценных реликвий и сурово обошелся с монахами) может быть отчасти объяснено укоренившейся неприязнью анзерских иноков к соловецким. Это покровительство Анзеру продолжалось и во время патриаршества Никона, что подтверждается двумя его грамотами. 29 апреля 1655 г. он уведомляет Елеазара с братией о прибавке содержания вообще и денежного жалования в частности: «Тебе, строителю старцу Елеазару, два рубли, да одиннадцати человеком братье по рублю». В другой грамоте без даты перечисляются новые дары в скит: «На образы окладов серебряных семь фунтов восемьдесят золотников с полужолотником, да денег на келейное строение двести пятьдесят рублей, да одиннадцать осетров на братью, да тебе, строителю, рыбу белужку». Наконец, явно не без вмешательства Никона, в 1654 г. была заложена на Анзере каменная церковь, ради созидания которой Елеазар претерпел столько мучений. Завершения постройки Елеазару не суждено было увидеть. Он скончался 13 января 1656 г., тихо дожив до событий, потрясших русскую церковь.

Мы не знаем и никогда не узнаем, что думал Елеазар об этих событиях и о своем бывшем ученике. Что касается самого Никона, то внешне его поступки свидетельствуют о благожелательности к Елеазару, который сыграл столь важную роль в его жизни. Но помимо логики личных поступков существует логика исторических поступков. Церковные реформы Никона означали по существу разрыв с древнерусским благочестием, со «святой Русью», ярким представителем которой был Елеазар.

Гунн Г. П. (6, с. 239—242)

Скрежеща зубами от ярости, вспоминал Никон, как долго ему приходилось слушать советы ревнителей благочестия и кланяться им. Даже и тогда, когда он вез с Соловков мощи святого Филиппа-митрополита, они не видели его превосходства. Аввакум Петров с друзьями просили тогда царя поставить в патриархи простого попа Стефана Вонифатьевича, желая при нем и дальше церковь злочестивым своим советом управлять, а лучше сказать — уничтожать. Хорошо еще, что духовник царский увидел непосильность для себя такого служения и отказался в пользу сильного. Пришлось ему, Никону, смирив гордость, кланяться и ласкаться к ревнителям, чтобы и они поддержали просьбу Стефана перед царем поставить на престол патриарший его, Никона.

Сильные любовью царской, привечаемые во дворце и дворах боярских, желали ревнители видеть патриарха в подчинении, как Иосифа, надеялись, что Никон будет строить церковь, внимая прилежно отца Иоанна Неронова и других попов глаголам! Но пришлось им, высокоумным, узнать свое настоящее место. Немедля по вступлении на престол велел Никон не пускать никого из ревнителей и на порог патриаршских палат, не то что в Крестовую, где он вершил дела с собранием высоких архиереев как Христос, окруженный апостолами, по одной своей воле и благоусмотрению.

То-то взъярились прежние дружки, то-то подняли вой по всей столице на его самовластие. Да поздно. Недаром он взял клятву с царя и его приближенных слушать патриарха во всем беспрекословно! Напрасно старались ревнители посеять вражду к патриарху новопоставленному, прикидываясь друзьями, — он живо показал, кто есть в церкви действительная власть. Надо было лишь придумать, чтобы они сами дали повод для расправы и не могли надеяться на жалостливое заступничество царя Алексея. Посему перед Великим постом 1653 года повелел патриарх разослать по всем московским церквам свой указ о поклонах и крестном знамении:

«По преданию святых апостолов и святых отцов не подобает в церкви метания творити на колени, но в пояс бы вам творить поклоны; еще бы и тремя перстами крестились».

Указ был против древней традиции и отрицал постановление Стоглавого собора, гласившее ясно: «Иже кто не знаменается двумя персты, яко же и Христос, да есть проклят». Никон не желал ставить себя в более легкое положение, чем патриарх Иосиф, восставший против власти ревнителей и сломленный ими. Свой указ как вызов на бой Никон послал первому Иоанну Неронову в Казанский собор. И ревнители дрогнули, поняли, что в России появился новый хозяин церковных дел.

Сердце озябло и ноги задрожали у его бывших товарищей, — доносили Никону. Не в силах противиться указу патриарха и не желая выполнять его, Иоанн Неронов на целую неделю скрылся в Чудов монастырь, и, запершись, молился, оставив Казанский собор

на бестрепетного Аввакума Петрова. Заговорили ревнители, что зима настает и приспевает время страдания. Воистину так! Заблудшие овцы подняли свой голос против владыки церкви, подали на Никона обличительную челобитную царю — но тот, как и следовало ожидать, отдал ее патриарху. Что же, они заслужили свою участь. По доносу недовольных ревнителями священников Никон велел арестовать попа Логгина. Неронов выступил его защитником и оскорбил Никона вместе со всем священным собором.

«В Евангелии написано, — кричал тогда Иоанн-протопоп, — что Господь говорил: „Любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас“. А тебе, — тыкал он пальцем в Никона, — кто хочет добра — тех ты ненавидишь; любишь, жалуешь и слушаешь клеветников и шепотников! Клевета на добрых людей доходит к тебе за пятьсот и за тысячу верст. Восстал ты на своих друзей, а на их место поставил тех, кого раньше называл врагами Божиими и разорителями закона Господня. Обвиняешь людей в том, что они прихожан мучат, а сам беспрестанно и по воскресеньям даже приказываешь бить и мучить. Ныне от тебя боголюбцы терпят беды и разорения. Не знаю, почему это собрание называется собором церковным, ибо от него закон Господень терпит укоризны и поношения. Такие соборы были на великих святителей Иоанна Златоуста и Стефана Сурожского!»

Все громче кричали ревнители благочестия, что Никон недостойный патриарх. Но не было среди их голосов голоса Стефана Вонифатьевича и молчал царский дворец. Хоть и жалел царь Алексей Михайлович своих друзей, но против Никона не пошел. Патриарх же содрал с Иоанна Неронова скуфью и, лишив священства, сослал в заточение в Спасо-Каменный монастырь. Лишил он священства и Логгина, который при расстрижении Никону в глаза наплевал, а когда содрали с него однорядку и кафтан — он и рубаху в алтарь патриарху бросил. Даниила Никон расстриг и сослал в Астрахань, а Аввакума с женой и малыми детьми отправил на верную смерть в Сибирь.

Теперь руки Никона были свободны и его не трогали вопли бывших товарищей, долетавшие до Москвы из каменных мешков и сибирских далей. Напрасно писали ревнители благочестия Стефану Вонифатьевичу, царю, царице и придворным, что они, как новые мученики, гонимы и томимы за проповедь христианского закона и учения, за желание спасти души православные. Напрасно обличали реформы Никона и грозили небесными карами за отступление российской церкви от благочестия. Царь запретил подавать себе такие челобитные, его духовник призывал бывших товарищей слушать патриарха без рассуждений и не прекословить ему ни в чем, ибо сам царь положил свою душу и всю Россию на патриархову душу. Правда, писания староверов, как искры, рассыпались по стране, но далеко было еще то время, когда неразумием царя и собранного им лжевселенского собора разгорятся эти искры во всеопалющее

пламя и, как внезапно облитый ледяной водой, расколется камень в основании русской православной церкви.

Получив возможность без помех заняться соединением русских обрядов с греческими, патриарх приступил к делу не торопясь, давая людям привыкнуть к переменам. На соборе русских иерархов в 1654 году он объявил, что время совершения праздничного богослужения, некоторые молитвы, обычаи оставлять царские врата открытыми при литургии, не полагать мощи под престолом при освящении храма и власть антиминс под покровом при евхаристии, употреблять земные поклоны вместо малых и четырехдесятницу и разрешать втроженцам и троеженцам петь и читать на амвоне — не согласуются с древними русскими и греческими книгами. На этом основании собор постановил, а царь и патриарх утвердили исправления в новопечатных церковнослужебных книгах.

Невелики были утвержденные собором изменения, но и этого было нелегко добиться. Ведь решения собора показывали, что в русской церковной практике — о ужас! — есть новоизобретенные чины и обряды, есть уклонения от истинного благочестия. Недаром Никон собрал на собор лишь сильно зависимых от него церковных иерархов, не случайно строил свои вопросы к собору столь хитроумно: «И о сем прошу решения — новым ли нашим печатным служебникам последовати или греческим и нашим старым, которые купно обои един чин и устав показывают?» А во избежание разномыслия патриарх просил первым ответить на его вопросы царя Алексея Михайловича. Правда, один человек осмелился выступить против публично объявленного желания царя. Епископ Павел коломенский вздумал не соглашаться с мнением о поклонах, ссылаясь на какие-то старые рукописи! Но уж Никон его укоротил — сослал, законопатил в темницу и огнем сжег на страх всем инакомыслящим, — и наступила тишина и единение в соборе освященном.

Чтобы закрепить успех, немедленно после собора Никон послал грамоту к константинопольскому патриарху Паисию с двадцатью семью вопросами, на которые просил прислать соборно утвержденный ответ, заранее признавая высший авторитет восточных иерархов в русских церковных делах. Однако дожидаться ответа Никон не стал. Воспользовавшись приездом в Москву антиохийского патриарха Макария и сербского архиепископа Гавриила, он собрал новый собор.

В 1655 году в Неделю православия богослужение в кремлевском Успенском соборе было особенно пышным. В присутствии российских и иностранных архиереев московский патриарх довершил начатую ранее расправу с иконами франкского письма. Моровую язву, солнечное затмение, разные другие бедствия приписывали россияне отданному Никоном год назад приказанию выцарапывать глаза таким иконам. Народ волновался, в адрес патриарха неслись угрозы. Но не таков был Никон, чтобы отступить с полдороги.

В присутствии царя, придворных и духовенства, при огромном стечении народа патриархи московский и антиохийский предали анафеме и отлучили от церкви всех, кто изготовлял или держал у себя франкские иконы. Показывая народу конфискованные образа, Никон бросал их на пол, разбивая в щепки. При этом он объявлял имена сановников, у которых были найдены преступные изображения. Царь Алексей Михайлович стоял здесь же с непокрытой головой. Лишь когда патриарх довершил свое дело и приказал сжечь обломки, государь тихонько попросил его предать щепки земле, а не огню — Никон соблаговолил согласиться.

После этой расправы патриарх московский произнес проповедь против двоеперстного крещения, утверждая, что оно нигде в мире не употребляется православными, и заставил патриарха Паисия подтвердить свои слова. В тягостном молчании расходились люди с этого богослужения, закончившегося оскорблением всенародных верований, но ни один человек не посмел возразить своему духовному владыке. Можно было открывать церковный собор.

В марте 1655 года на соборе с участием иностранного духовенства Никон решил окончательно закрепить свое решение о последовательном исправлении русских церковнослужебных книг и обрядов. Первым делом, вспоминал опальный патриарх, надо было прочесть грамоту патриарха Паисия, рассказывающую о решениях константинопольского собора. Многословно похвалив своего «возлюбленного брата и сослужбника», константинопольский патриарх благословлял его на устранение разногласий в обрядах, отвечал на все 27 вопросов и указывал на другие подлежащие исправлению нововведения русской церкви.

Здесь мысль Никона, вольно пробегавшая по следам его патриарших дел, стала раздваиваться. Умиравший со страхом увидел, что не может больше затыкать рот своему внутреннему судье:

— Полно обманывать себя. О грамоте патриарха Паисия ты напечатал в Служебнике 1656 года и так долго рассказывал эту историю, что сам поверил в нее. Как могла грамота читаться перед собором, если она пришла в Москву через два месяца после его окончания?

— Верно, — подумав, отвечал Никон. — Но велика ли разница? Для убеждения людей надо было, чтобы решения собора поддержал патриарх константинопольский, да и обвинить Неронова и епископа Павла эта грамота помогла, многие поверили.

— А ты не жалеешь, что оклеветал Неронова и Павла? Ты ведь писал Паисию, что их книги и обряды противны и русской церкви, и греческой, что они вводят совсем новые порядки!

— Они были противны русской православной церкви, потому что не принимали истины, исходящей из уст ее верховного архипастыря.

— Пусть. Но ведь патриарх Паисий не одобрил задуманные тобой исправления книг и обрядов. Напротив, он предостерегал тебя от внесения мелких раздоров в церковь. Помнишь его слова:

— «Ты жалуешься сильно на несогласие в кое-каких порядках, существующих в поместных церквях, и думаешь: не вредят ли эти различные порядки нашей вере? В ответ на это мы похваливаем мысль — поелику кто боится впасть в малые погрешности, тот предохраняет себя от великих — но исправляем опасение... Если случится, что какая-нибудь церковь будет отличаться от другой какими-либо порядками, неважными и несущественными для веры, или такими, которые не касаются главных членов веры, а относятся к числу незначительных церковных порядков, каково, например, время совершения литургии или вопрос о том, какими перстами должен благословлять священник, и подобные, то это не должно производить никакого разделения, если только сохраняется неизменно одна и та же вера. Это потому, что церковь не с самого начала получила тот устав чинопоследований, который содержит в настоящее время, а мало-помалу... Рабу Господню не подобает устраивать свары (2 Тим. 11:24), и особенно в вещах, которые не принадлежат к числу главных, и существенных, и членов веры...»

— Ты хорошо помнишь эти слова, потому что много раз перечитывал грамоту Паисия константинопольского, и все же решился ссылаться на него, исправляя русские книги и обряды!

— Но константинопольский собор поддержал мои решения о том, что более правильно, и я справедливо делал, приближая наши обряды к греческим!

— Разве? Даже ответ о перстосложении при крестном знамении и благословении — а это было самое важное дело московского собора 1656 года — гласил, что русские могут креститься и двумя перстами, как греки — тремя, это дело безразличное, «лишь бы только благословляющий и благословляемый имели в мысли, что это благословение нисходит от Иисуса Христа».

— Исправление книг и обрядов на московском соборе и после него делалось по древним греческим и ветхим славянским книгам, которые между собой согласовались, а в новых московских печатных книгах были против них прегрешения! И без Паисия дело обошлось. Более пятисот греческих книг привез Арсений Суханов с Востока, не менее двухсот книг прислали тогда иерусалимский, антиохийский и александрийский патриархи, восточные митрополиты и архиепископы, еще больше древних рукописей собрано было в России. Прочтя их и рассудив, соборно решили мы исправить многое, в том числе и о правильном перстосложении приговорили.

— Не мог ты обрести в древних книгах троеперстное крестное знамение и благословение, ибо и на древних иконах каждый мог зреть два перста сложенные, и в ветхих славянских и греческих рукописях то же люди читали. Ты на соборе следовал только советам патриарха Макария антиохийского, и все правил по его воле и по новым греческим книгам, говоря: «Я русский, сын русского, но мои убеждения и моя вера греческие».

— Я хотел соединиться с восточной церковью во всем, но видел среди архиереев скрытый ропот, упорство в заблуждениях и склонность к неподчинению. Потому и надо было объявить, что мы заранее все старые греческие и славянские книги рассмотрели и нашли их во всем между собой согласными, а в новых греческих книгах и в новых же московских печатных книгах с греческими и славянскими древними нашли немало несогласий и прегрешений.

— А объявив, ты оставил всякое попечение о поиске истины. Только просил Макария антиохийского и других греков не пропускать ни одного отличия русской церковной практики от греческой, чтобы ты мог немедленно и без рассуждений все отечественное переменить.

— Таково было желание и царя Алексея Михайловича с многими боярами. Не один я хотел полного единения с церковью восточной!

— Да, помню, ты один раз только воспротивился мнению Макария, что на Богоявление надо освящать воду дважды.

— И то государь бросился на меня с бранью. «Ты, — говорит, — мужик, блядин сын!» Я говорю: «Я твой духовный отец, зачем ты оскорбляешь меня?!» А он: «Не ты мой отец, а святой патриарх антиохийский воистину мой отец!» Насилу я тогда настоял на своем.

— В действительности ты часто ставил государя на место, когда он вмешивался в твои дела. А исправления книг он вообще не касался. Ты приписал себе эту мысль, явившуюся задолго до тебя, а сам поставил справщиком Арсения Грека, который учился в греческой иезуитской коллегии в Риме, потом был мусульманином, потом униатом, наконец, сидел в заточении за еретичество на Соловках, где ты его и нашел. Да и другие справщики правили книги все больше по новым греческим, которые печатаются в Венеции, Риме, Париже и других неправославных местах. Заявляя, что все русские книги испорчены, ты никогда не проверял, точно ли это так.

— Я всегда требовал, чтобы книги правились по древним славянским и греческим!

— Но не зная греческого, ты не проверял справщиков и во всем полагался на их волю, не слушая тех, кто указывал тебе на их ошибки и заблуждения. Ты воздвиг суровые гонения на тех, кто хотел сказать тебе истину, а сам разрешил издавать книги со старыми чтениями: Триодь Постную 1656 года, Ирмологион 1657 года и другие. Хуже того, в Иверском монастыре с твоего согласия напечатано немало книг старых, с новоисправленными совсем несогласных. Хочешь, я скажу тебе, зачем понадобилось исправление?

— Изыди, Сатана! Я сам отвечу перед Богом за себя и все российское православие. Не может церковь твердо стоять, если каждый слуга ее рассуждает о древности и новизне, держится привычки, а не послушания архипастырю. Важна не старина, а утвержденность властью, не копание в пыльных бумагах, а повинование! Нужно было

показать наглядно, что истина исходит от архипастыря — и я делал это так, как следует. Чего стоило утвердить одно лишь троеперстное крещение!

Это хороший пример, — думал Никон. Все было против него: древние книги и иконы, сочинения Максима Грека и митрополита Даниила, решение Стоглавого собора и всенародная привычка. Пришлось собрать еще один церковный собор в феврале 1656 года и заставить Макария антиохийского торжественно опровергнуть сказание о его предшественнике на престоле — святом Мелетии антиохийском. Ловко тогда придумал восточный патриарх, назвав двоеперстие арменоподражательной ересью!

Затем, в неделю православия, на торжественной службе в Успенском соборе Макарий с никейским митрополитом Григорием и сербским архиепископом Гавриилом перед всем духовенством, Государевым двором и народом явили троеперстное крещение и рекли: «Кто иначе, двумя персты крещение и благословение творит — тот проклят есть!» Мало того, когда вскоре прибыл в Москву молдавский митрополит Гедеон, пришлось у него и первых троих взять письменное свидетельство, что православная церковь «предание приняла от начала веры, от святых апостолов, и святых отцов, и святых семи соборов творить знамение честнаго креста тремя первыми перстами правой руки, и кто от православных не творит крест так, по преданию восточной церкви, еже она держит от начала веры даже до днесь — есть еретик и подражатель армянам, и потому отлучен от Отца, и Сына, и Святого Духа и проклят!»

Лишь после этого в апреле был созван собор русских архиереев и патриарх произнес речь о необходимости исправления русских же чинов и обрядов, особенно об искоренении двоеперстия. Никон сослался на послание константинопольского патриарха Паисия с осуждением двоеперстия, указал на все перечисленные выступления и проклятия, уверил, что двуперстие повелось на Руси совсем недавно, после напечатания в Москве сочинения еретика Феодорита в тексте Псалтири, указал, какого решения от архиереев ожидает он, их владыка (если, конечно, им не улыбается участь Павла коломенского). Только тогда все сторонники двуперстного крестного знамения были соборно отлучены от церкви и прокляты.

— Если я не очень строго следил за последовательностью в исполнении сделанных по моей воле церковных исправлений, — оправдывал себя Никон, — особенно в конце моего короткого правления церковью российской, то лишь потому, что отвлекаем был великим множеством забот, а не от нерадения. Не до мелочей мне было, когда, осаждаемый толпами врагов, видел я, что и государь изменяется ко мне и отступает от законного благочестия!

— А мне помнится, — влезал Никону в душу внутренний враг, — будто ты начал опускать руки в деле церковного исправления уже в 1656 году, после смерти Стефана Вонифатьевича. Не он ли подтал-

кивал тебя ранее к единению с греками? Без него ты что-то не очень стоял за согласие церкви в новоисправлениях.

— Это было позже, и Алексей Михайлович мне за это пенял, кажется, в 1662 году, когда я уже оставил престол патриаршеский и жил в Новом Иерусалиме, — защищался Никон.

— Да нет, ты и будучи патриархом на Москве говаривал, что-де старые и новые исправленные книги равно добры, и по тем, и по другим можно служить.

— Сие говорилось повинующимся мне и склоняющимся перед авторитетом, а не тем, кто самомнением своим гордится, — таковых я смирял с яростью праведной!

— Тебе ли говорить об авторитете — когда ты признавал что-либо, кроме властной силы? Для тебя и святые были не в указ, коли находилась у них некая противность твоему суемудрию. Помнишь, как покоровивший тебе Иоанн Неронов в Успенском соборе во время всеобщей говорил, что неверно трюить аллилуйю и прибавлять «слава тебе Боже», ибо святой Ефросин Псковский, прославленный среди великих святых, так делать не велел? А ты отмахнулся: «Ворде блядин сын Ефросин!» Произнес хулу на святого, а сам не заметил, что успенский протопоп с братией потом стали петь по-старому: аллилуйю дважды, в третье — «слава тебе Боже».

— Это было незадолго до того, как царь и бояре меня оскорбили и принудили Москву покинуть — не до Ефросина с Нероновым было!

— Нет, возгордел ты, великой духовной властью возношаясь, возлюбил красоту и соблазны мира сего. Помнишь, как велел переменить древний русский кlobук на рогатый греческий, мня, что тот больше украсит лицо твое? Ты хорошо знал, какой среди духовенства и прихожан пойдет ропот, коли уничтожить и переменить одеяние первых наших святых архиереев. Потому схитрил — втайне передал готовый новый кlobук в алтаре патриарху Макарию антиохийскому...

Патриарх Никон не без удовольствия вспомнил разыгранное в Успенском соборе действо. Кlobук он велел изготовить по покрою греческих, но белый и с вышитым над глазами золотом и жемчугом херувимом. Он долго мерил его перед зеркалом и остался очень доволен. В соборе патриарх Макарий с обновой в руках подошел к царскому месту и сказал Алексею Михайловичу:

«Нас четыре восточных патриарха в мире, и одеяние у нас одинаковое. С нашего разрешения поставлен брат наш московским патриархом — в равном достоинстве с папой римским, в знак чего отличается от нас белым одеянием. Если угодно твоему царскому величеству, я желал бы надеть на него этот кlobук, который сделал для него, чтобы он носил его подобно нам!»

Царь, своим быстрым умом уловив, что белый кlobук на греческий образец свидетельствует о признании особого места московского патриарха в православной церкви, весьма обрадовался и ска-

зал: «Батюшка, добро!» Алексей Михайлович самолично принял от Макария клобук, поцеловал его, просил Никона снять старый убор и надел ему новый, действительно красивый и величественный.

— Видишь, враг, — боролся со своими сомнениями Никон, — что и этим послужил я православной великороссийской церкви, дав ее служителям более роскошное одеяние, свойственное высоте духовного звания. Знаю, ты будешь говорить про мои облачения, посохи, кресты и панагии, что я-де наделал более сотни одеяний и менял их по несколько раз во время службы. И в этом духовный владыка не должен уступать светскому, но соответственно высоте своего служения должен превосходить самодержца и его кичливых слуг, гордящихся золотом и драгоценными одеждами.

Буганов В. И., Богданов А. П. (3, с. 162—175)

Став в 1649 г. новгородским митрополитом, Никон уже тогда начал проявлять заботу о возвышении авторитета церкви в государстве. Так, он уговорил царя торжественно перенести из Соловков в Москву мощи митрополита Филиппа, задушенного царским опричником Малютой Скуратовым. Этот акт имел большое идеологическое значение как покаяние светской власти перед церковной. Никон лично отправился в Соловки в сопровождении свиты бояр и духовных лиц. Уже в этой поездке начались конфликты Никона с боярами: кн. И. Н. Хованский в письме жаловался царю, что он «пропал», так как Никон заставлял его «с собою у правила ежедневно быть». Царю стало известно также о том, что и дворянин В. Отяев писал из поездки своим друзьям: «Лучше бы нам на Новой Земле за Сибирью с князем Иваном Ивановичем Лобановым пропасть, нежели с новгородским митрополитом быть». И в Москве, в боярском окружении царя, выражалось недовольство: «Никогда такого бесчестья не было, что государь нас выдал митрополитам».

Никону была хорошо известна неприязнь к нему бояр, и, когда пришло известие о кончине патриарха Иосифа, он знал, что боярство не захочет его кандидатуры в патриархи. Поставление Никона на патриаршество происходило не так гладко, как это обычно представляется. Церковный собор выдвинул 12 кандидатур, выбор же колебался между Никоном и царским духовником Стефаном Ванифатьевым, но Стефан отказался от патриаршества и сам порекомендовал Никона. В бумагах Приказа Тайных дел сохранился черновой вариант порядка церемонии поставления Никона на патриаршество, из которого видно, что и царь был в нерешительности перед окончательным выбором: после слов «новопоставляемый патриарх» было оставлено пустое место для имени, царь сначала своею рукой вписал «имярек» и уже потом, зачеркнув, сверху написал «Никон». Не совсем уверенно чувствовал себя и сам Никон. Протопоп Аввакум, возвращавшийся в это время в высших кругах московского духовенства, так описывает его поведение по приезде из Соловков: «Егда ж

приехал, с нами яко лис: челом да „здорово!“ . Ведает, что быть ему в патриархах, и чтобы откуля промешка какова не учинилась. Много о тех кознях говорить!»

Когда вопрос об избрании Никона был решен окончательно, он стал отказываться от патриаршества, добиваясь беспрекословного послушания царя и бояр. «...Аз не восхотех в собор итить,— писал Никон,— и призваша нас царское величество... не единожды и не дважды, и не восхотехом итить...» Писал об этом и Аввакум: «Царь ево на патриаршество зовет, а он бытто не хочет, мрачил царя и людей». Согласился Никон, только заставив царя и бояр сотворить обет, что будут его слушать «во всем, яко начальника, и пастыря, и отца краснейшего».

Получив сан патриарха, Никон фактически стал царским соправителем, и назначаемое царем на время своих отлучек из Москвы боярское правительство в значительной степени стало зависеть от патриарха. Бывший в это время в Москве антиохийский архидьякон Павел Алеппский отмечал в своих записках: «Перед своим отъездом царь поставил на место себя полномочного наместника и нескольких министров. Из них на каждого возложено одно дело, высшее же решение принадлежит наместнику. Наблюдателем над всем он поставил патриарха: ни одно дело, важное или незначительное, не делается иначе, как с его совета и по докладе ему министрами каждое утро». Никон старался к тому же принизить достоинство бояр, заставляя их подолгу дожидаться на морозе аудиенции.

Патриарх постоянно вмешивался и в частную жизнь боярства. В первую очередь он столкнулся с влиятельнейшим из бояр, царским дядей Никитой Ивановичем Романовым, который не собирался подчиняться указаниям «попа». Они конфликтовали открыто, об их стычках знали многие иностранцы, которых обычно в подобные истории старались не посвящать. Шведский резидент в Москве Родес сообщал, что Никон стал заставлять Романова «возможно скорее жениться», но Романов не спешил выполнять его волю. По приказу Никона была уничтожена сшитая Романовым на немецкий манер одежда для слуг. Олеарий отмечал, что боярин и «в религиозных вопросах сердил патриарха тем, что отвечал ему коротко и упрямо». «Впрочем,— замечал Олеарий,— ему патриарх не может много сказать».

Никон сумел продвинуть и одного из своих ставленников в боярство. Павел Алеппский писал: «Патриарха окружает множество бояр (имеются в виду патриаршие бояре.— *О. К.*), из коих большую часть он делает теперь правителями (областей), каков, например, воевода Путивля и другие».

Воевода Путивля — это Никита Алексеевич Зюзин, близкий друг Никона. Сохранилось 10 личных писем патриарха к Зюзину. В 1651 г. Зюзин был стольником и воеводой в маленькой крепости Коротояк, а в 1652 г. пожалован в окольные и одновременно в патриаршие бояре к новопоставленному патриарху Никону. Чин

государева боярина Зюзин получил всего через год окольниковства и явно не без влияния патриарха. В 1653 г. Зюзин местничался за царским столом с кн. И. И. Лобановым-Ростовским, за что был тут же бит батогами и насильно посажен за стол с Лобановым, а через несколько дней пожалован в бояре, очевидно, по настоянию патриарха как бы в компенсацию за обиду, так как без особых заслуг боярство давалось очень редко. Царь же Зюзина не любил и в 1662 г. говорил Аф. Л. Ордину-Нащокину, что «Микита приплетет» его к «ненадобным делам».

Никон, придя к власти, стал активно заниматься приобретением новых земельных богатств, как за счет других епархий, так и за счет светского землевладения. С 1654 по 1658 г. им было куплено около сорока вотчин у светских владельцев. Патриарху переходили и некоторые выморочные имения, например, Никону досталась значительная часть владений и имущества боярина Романова после его смерти. Приобретал он дворы также в городах и пригородах. Так, в 1661 г. окольниковому И. Ф. Стрешневу был возвращен загородный дом и огород, которыми в 1652—1653 гг. «завладел» Никон.

В период могущества Никона иметь с ним судные дела позволяли себе только наиболее крупные бояре, но после его ухода с патриаршества количество тяжб с патриаршим домом возросло.

Вскоре при дворе возникло сильное недовольство патриархом, и сам царь уже хотел несколько умерить притязания Никона, но сместить его с патриаршества, конечно, не предполагалось возможным. События развернулись неожиданно: почувствовав приближающуюся опалу, Никон прибег к рискованному политическому маневру — отказался от патриаршества. Он полагал, что этим испугает царя и вернет в свои руки ускользающую полноту власти. Никон знал аналогичные исторические примеры — уход митрополита Геронтия при Иване III, отказ Ивана Грозного от царства. Но патриарх ошибся. Противники не дозволили Никону вернуться на патриаршество.

Сам царь относился сочувственно к Никону и в опале. Сразу после отъезда патриарха в Воскресенский монастырь царь послал к нему своего доверенного Аф. Матюшкина с «милостивыми прошениями», постоянно отправлял от себя подарки, удовлетворял челобитные Никона по всем монастырским хозяйственным вопросам. Впечатление, что царь хотел помириться с патриархом, создавалось и у окружающих. Это хорошо видно в деле Н. А. Зюзина. Даже в своей духовной грамоте, которая читалась вслух при отпевании Алексея Михайловича, царь сначала просил разрешения от грехов у Никона, который уже 10 лет как был лишен патриаршего сана, и потом только у Иоакима.

Основной силой, выступавшей против гегемонистской политики патриарха, явились боярские правительственные круги. Обвинения, предъявленные Никону, были изложены в речи боярина кн. Н. И. Одоевского; посланного к Никону в Воскресенский монастырь в

1663 г. В отчете царю он изложил свою речь так: «Неправды всякие учал чинить он, Никон, будучи на патриаршестве, преобидя Божии законы: учал вступаться в ваши государевы во всякие... дела и в градские суды, и учал писаться „великим государем“, и памяти указы в приказы от себя посылал и дела всякие без вашего великого государя указа из приказов имал и учал многим людям чинить обиды: вотчины отнимать, и людей, и крестьян беглых принимать и всякие обиды чинить, и тебе, великому государю, о тех его обидах многое челобитье...»

В 1662 г. царским дядей боярином Семеном Лукьяновичем Стрешневым было составлено письменное обвинение Никону в виде 30 вопросов, обращенных к газскому митрополиту Паисию Лигариду, жившему в это время в Москве и почитавшемуся большим церковным авторитетом. В них Стрешнев излагал поступки Никона и просил дать им оценку с церковной точки зрения, так как суда светских лиц патриарх не признавал. А. С. Елеонская в исследовании, посвященном русской публицистике, рассматривает только «Отписку» Лигарида без связи с «Вопросами» Стрешнева, называя ее «ранним образцом светского направления в русской публицистике XVII в.», что представляется странным, так как Паисий, во-первых, был лицом духовным и, во-вторых, писал по-гречески. Следует учитывать, что темы для ответов Паисия были уже заранее «заданы» в вопросах Стрешнева, поэтому вопросы и ответы являются единым произведением, тем более, что Паисий выражал в них точку зрения боярства, по указке которого выступал в деле Никона. Поэтому никак нельзя исключить С. Л. Стрешнева из авторов этого, направленного против Никона, произведения, являющегося едва ли не единственным памятником публицистики, вышедшим в это время из боярской среды. А. С. Елеонская не учитывает авторства Стрешнева, очевидно, исходя из приводимой ею характеристики, которую дал Стрешневу Никон, разбирая его вопросы: «Ты, убо, Симеоне, глаголеши таковая не своими устны и языком, видит ти всяк, знающий тя, яко ничтоже в тебе тако есть». Но вряд ли стоит тут доверять Никону, так как о людях он обычно отзывался свысока, обвиняя всех в невежестве. Недаром посланный к Никону окольный О. И. Сукин задал Никону иронический вопрос: «Один ли ты в Московском государстве грамоте умеешь и есть ли кто иной?»

В действительности совсем не случайно именно Стрешнев взялся за составление вопросов. Не обладая ни особым литературным талантом, ни достаточным образованием, Стрешнев тем не менее тянулся к литературной деятельности, интересовался религиозными проблемами и был человеком весьма неглупым. Сохранилось послание стольника И. Бегичева к Стрешневу, в котором он ведет с ним спор по вопросам церковной догматики. В 1645 г. Стрешнев был приставлен к датскому королевичу Вальдемару, приехавшему в Москву для женитьбы на русской царевне, с тайным поручением

уговорить его сменить веру. Царь очень любил Стрешнева, который служил у него первым кравчим и имел редчайшее пожалование — ему был дан «в путь» (т. е. для кормления) город Гороховец. В 1647 г. Стрешнев по делу о его связях с «ворожеей» был сослан. Очевидно, его близость к царю не нравилась временщику боярину Морозову. В 1651 г. Стрешнев вернулся ко двору, в 1654 г. им было написано послание по случаю рождения царевича Алексея. Таким образом, как один из видных бояр, уже имевший некоторый литературный опыт, Стрешнев и взялся за послание к Лигариду, очевидно, по поручению Думы. Большинство вопросов, заданных Стрешневым, относятся к той безвыходной ситуации, которая сложилась в деле Никона к 1662 г. В 1660 г. царем был созван церковный собор, который должен был низложить Никона. Было принято решение о том, что Никон не может более оставаться патриархом. Но колебания царя, усиленные мнением Епифания Славинецкого о неправомерности такого решения, и непризнание Никоном суда над собой привели к тому, что дело осталось в прежнем состоянии. Никон заявил, что он отрекся только от патриаршества, но не от патриаршего сана — такая ситуация оказалась не предусмотренной церковными «правилами» и делала невозможным избрание нового патриарха, так как в этом случае патриархов оказалось бы двое. Собор же, утверждал Никон, не может лишить его сана, поскольку все его участники сами получили духовный сан от Никона. Стрешнев хотел найти авторитетное опровержение всем этим доводам патриарха, поэтому и задал Лигариду такие вопросы: нужно ли обязательное письменное отречение от патриаршества или достаточно устного заявления? Прав ли Никон, когда говорит, «что не находится вне своего престола, а только съехал по причинам, достойным уважения»? Хорошо ли созвать собор по делу патриарха? Может ли царь созвать собор? Прав ли Никон, что созванный царем собор «ни во что почел»? Можно ли осуждать своего начальника? Прав ли Никон, что никогда не называл архиереев «своею братиею», но считал их гораздо ниже себя? Справедливо ли Никон защищается тем, что его не позвали на собор, если бы позвали, то он сказал бы, почему он покинул свой престол? Лигарид во всех ответах утверждал неправоту Никона.

Понимая, что дело патриарха необходимо сдвинуть с мертвой точки, Стрешнев поставил смелый вопрос: «Согрешил ли государь в том, что оставил церковь Божию вдовствовать?» Было отвечено, что если он делает это по уважительным причинам, в таком случае не имеет смертного греха, однако не свободен от греха меньшего. А на следующий вопрос: «Не согрешают ли архиереи и бояре, что не бьют челом и не наставляют царя учинить окончательное решение?» последовал ответ: «Весьма согрешают».

Стрешнев спрашивал также о том, может ли государь, если он пожаловал Никона грамотами, в которых дал ему исключительные

привилегии, отобрать их. Никон назвался великим государем потому, что его так называл царь, желая оказать ему честь более, чем это было в обычае; согрешил ли Никон, спрашивал Стрешнев, «что такой высочайший титул на себя принял»? В ответах на эти вопросы, относящиеся больше к действиям Алексея Михайловича, чем к Никону, Лигарид оправдывал и пытался обосновать политику царя, которая привела к возвышению Никона. Стрешнев приравнивает монастыри Никона к укрепленным городам в вопросе: «Хорошо ли архиереям строить обозы и грады?» Здесь же он упоминает Коломенскую епископию, которую Никон разорил для своего монастыря. Затронул Стрешнев и вопрос о Монастырском приказе, который Никон бранил за то, что он вмешивался как в церковное правосудие, так и в церковное землевладение.

Поставил Стрешнев и такой вопрос: «Если пастырь или боярин убегает от опасности, чтобы сохранить свою жизнь, подобает ему укрываться или нет?» Очевидно, Стрешнев имел в виду не уход Никона в Воскресенский монастырь, а его отъезд из Москвы летом 1654 г. во время мора, когда погибли все члены оставшегося в Москве боярского правительства. В столице произошло выступление посадских людей, поводом к которому послужило поведение Никона.

Актуален для Стрешнева и следующий вопрос: «Никон проклинает — важно ли нам его проклятие и следует ли нам бояться его клятвы или нет?» Вероятно, Никон часто использовал церковное проклятие в борьбе со своими противниками. Так, известно, что он проклинал местоблюстителя патриаршего престола Питирима Крутицкого, проклинал и самого Стрешнева, по сведениям Татищева, был проклят боярин Ю. А. Долгорукий; можно предположить, что церковному запрещению подвергся боярин И. Д. Милославский, так как он обращался за разрешительной грамотой к константинопольскому патриарху; грозился Никон проклясть и Алексея Михайловича. В связи с вопросом о проклятии Стрешнев задает вопрос о своем личном конфликте с патриархом: «Никон проклял боярина Семена Лукьяновича за то, что будто его собака благословляла, представляя благословляющего человека, следует ли проклинать за это?» Стрешнев умолчал о том, что не просто обучил собаку благословлять, но и дал ей имя «патриарх Никон». Чтобы патриарх снял свое запрещение, Стрешневу пришлось сделать вклад в Воскресенский монастырь в размере 100 рублей.

Вопросы Стрешнева явились глубоко продуманным обвинением Никону, и затронутые в них проблемы легли не только в основу ответов Паисия и возражений Никона, но и некоторых постановлений собора 1666 г.

Никон не замедлил ответить Стрешневу и Лигариду обширным сочинением под названием «Возражение или разорение смиренного Никона... противо вопросов боярина Симеона Стрешнева иже написа газскому митрополиту Паисию Лигаридиусу и на ответы Паисеовы»

(1663 г.). Патриарх не оставил ни единой строчки своих противников без ответа: приводя по очереди все вопросы Стрешнева, он хотел «разорить» их, обвинив Стрешнева в недопустимом вмешательстве в духовные сферы. Со всем присущим ему сарказмом Никон громил ответы Паисия и давал свои объяснения на вопросы Стрешнева. В них заключена главная идея всего произведения — превосходство священства над царством.

Обвиняя царя в принижении церковной власти, Никон в первую очередь обрушивается на Соборное Уложение 1649 г. Его ответ на вопрос Стрешнева о Монастырском приказе, занимающий центральное место в «Возражениях» (373 из 1020 листов рукописи), посвящен именно этой теме. Патриарх осуждает не только те статьи Уложения, которые затрагивали интересы церкви, но и все Уложение в целом, называя его «ложным и проклятым писанием». В этой части своего сочинения Никон обращается к царю и к боярину Н. И. Одоевскому — главе комиссии по составлению Соборного Уложения, что заставляет усомниться в мнении о том, что Одоевский возглавлял комиссию только номинально. Одоевского Никон называет «богоборцем» и «новым Лютором» и характеризует весьма нелестным образом: «...а он, князь Никито, человек прегордый, страху Божия в сердце не имеет и божественного писания и правил святых апостолов и святых отец ниже чтет, ниже разумеет, и жити в них не хочет и живущих в них ненавидит, яко врагов сущих сам быв враг всякой истине».

Никон начал критику Уложения с самого предисловия, приведя полностью его текст с изложением причин составления Уложения и принципов работы комиссии над ним. Он прямо указал на причину, побудившую приступить к созданию нового свода законов, ту причину, о которой не принято было упоминать, — восстание 1648 г.: «и то всем ведомо, что сбор (Земский собор 1648 г.— О. К.) был не по воли, боязни ради и междуусобия от всех черных людей, а не истинныя правды ради». Никон обвинял комиссию по Уложению в том, что в предисловии сказано о собрании законов «от святых правил», а на деле Одоевский сам составил совершенно новые статьи: «самоумне написал Уложенную книгу без всякого свидетельства», а законы, писанные «самоумне», законами не являются.

Никон критиковал все главы Уложения с точки зрения принципиальной невозможности светского царского суда; он считал, что всякий суд является прерогативой церкви. Одоевский же «преписал Божий суд на царское имя». Патриарх выступил и против главы XIX «О посадских людях», в которой говорится об отписке на государя церковных слобод в Москве и других городах.

Таким образом, Никон пытался идеологически обосновать с точки зрения христианской религии несостоятельность Соборного Уложения, основного свода государственных законов, и дискредитировать его составителей. Следует отметить, что чем дальше государ-

ство отходит от средневековья, тем больше гражданское право и судопроизводство отделяются от церковного суда. В выступлении Никона против этого объективного процесса отразилось стремление церкви удержать свои средневековые позиции.

Кошелева О. Е. (11, с. 18—25)

История, думается нам, не дает второго примера двух людей в аналогичном положении, появляющихся перед судом, противуполагающих друг другу в лице своем два разных мира идей, чувств и интересов и самостоятельно себя защищающих, ибо Алексей готов был отвечать сам за себя. Предоставляя охотно решение другим, он любил самостоятельно наносить решающий удар и, раз уже нужно было вести дело, он отказался от всякого другого адвоката. Никону удалось при этом задеть его за живое: были перехвачены его послания, в которых он пытался расположить в свою пользу будущих судей, а царь был наделен крайне оскорбительными замечаниями. Алексей заполнил поля документа гневными примечаниями и приготовился к возражению.

Осенью 1666 года прибыли два восточных патриарха. Один из них только что был смещен в Александрии, и Никон не преминул тотчас же этим воспользоваться, чтобы отвергнуть его компетенцию. «Все-ленский собор» обращался таким образом в единоличный, так как бывший патриарх продолжал отвергать простых епископов «своих подчиненных», как он всегда говорил, и некоторых еретиков, так, например, Лазаря Барановича, который, однако, защищал его, но он вступил с ним в полемику догматического характера.

Опираясь на такие доводы, он не ответил на первый вызов, но не осмелился не повиноваться второму, составленному в более угрожающих выражениях. Но зато, несмотря на запрещение, он собрал вокруг себя многочисленную свиту: ему предшествовал дьякон с огромным крестом по обычаю верховных первосвященников во время их переездов. С таким конвоем и с соответствующим церемониалом он явился 1 декабря на заседание суда, принудив таким образом всех присутствовавших и даже самого царя встать. После чего, определив таким образом позицию, которую думал занять, он склонился три раза перед государем, дважды перед восточными патриархами и выпрямился с вызывающим видом. Когда Алексей пригласил его сесть, указывая ему место на скамье епископов, он гордо покачал головою.

— Я не вижу здесь подходящего для меня сиденья, и так как я не принес его с собою, то останусь стоять, пока мне не скажут, почему меня призвали.

Алексей не дал возможности никому поднять перчатку. Раз решившись, и не без труда, на такое испытание, он поспешил этим воспользоваться и излить наконец свое сердце, весь гнев и отвращение, которые накопились в нем за семь лет невозможных и возмути-

тельных дрызг. Оставив тотчас же свой трон и встав перед патриархами как обыкновенный истец, он говорил долго и с большим воодушевлением. Никон возражал с таким же жаром и так же подробно. Таким образом создались жаркие прения, раскрывавшие всю историю конфликта с самого его начала и касавшиеся самых его незначительных подробностей.

Это первое излияние красноречия не послужило на пользу бывшего патриарха. Желая документально оправдать факт уничтожения Коломенской епархии, в котором он дал ясное доказательство произвола, и ссылаясь по этому поводу на документ, касающийся этого дела, Никон нарвался на замечание, что документ этот не существовал, так как эта мера была принята помимо всякой канонической процедуры.

На другой день во втором заседании споры приняли другой оборот. Неизвестно, каким образом — официальные протоколы процесса ничего не говорят об этом, — прения были перенесены на почву, на которую Никон тщетно до сих пор хотел стать. Мы не слишком ошибемся, если предположим, что присутствие восточных прелатов и их очевидная враждебность к обвиняемому повлияли на эту перемену. Неожиданно личность Никона как-то стухевалась и остался только священнослужитель, боровшийся со светской властью, причем последняя апеллировала к иностранцам, — к этим грекам, обыкновенно посещавшим Москву в качестве просителей, а теперь явившимся оказать поддержку боярам с целью задушить главу национальной церкви!

Испорченная мусульманским господством, восточная церковь склонялась к рабству и к унижительным услугам. По просьбе Алексея ему было передано из этого источника, при посредстве двусмысленного Мелетия, мнение, документально опиравшееся на шестой параграф великого Номоканона и решавшее спор в пользу главенства государства. Но «третий Рим» еще не дошел до этого, и национальная гордость, смешанная с столь могучим в этой стране религиозным чувством, вызвала во всем собрании чувство возмущения и растерянности. Сбитые с толку бояре молчали. Даже самые активные из тех, которые до того работали в целях навлечь немилость на бывшего патриарха и которые подобно Семену Стрешневу совсем непочтительно учили своих собак подражать жестам патриарха, — ни один из них не пытался уже теперь дать показание против него. Все до того старались стухеваться, что вызвали даже со стороны Алексея крик отчаяния:

— Вы хотите, значит, предать меня этому человеку? Разве я вам надоел?

Епископы волновались, не решаясь еще заявить свое мнение, но не умея скрыть своего смущения. Наконец вынужденный объяснить вызванный судьями Лазарь Баранович обронил следующую фразу:

— Как бы я мог говорить против правды?

Тогда языки развязались. Крутицкий митрополит Павел первый осмелился поставить прямо вопрос о соперничестве двух властей и, поддержанный Рязанским архиепископом Иларионом, Вологодским епископом Симеоном и еще другими, в первый и в последний в России раз до наших дней попытался дать этому спору полноту, которая требовалась интересами дела. Был даже момент, когда он мог льстить надеждой, что дал восторжествовать, по образному выражению Никона, тезису Церкви-солнца и Государства — его спутника, простого отражения его небесных лучей. Протоколы молчат по этому поводу, но ревностный защитник противоположного тезиса, Паисий Лигарид, дал нам по этому поводу красноречивые объяснения. Благодаря его старанию и особенно влиянию восточных патриархов, Павел и его сторонники были окончательно побиты, подверглись даже исключению из собрания и временному отлучению. Но бой был жаркий, и светской власти удалось одержать победу лишь наполовину путем принятия компромиссного решения, провозгласившего равную независимость обеих властей в соответствующих им сферах, но она заплатила дорого за это преимущество; самый верный залог, которым владела эта власть для укрепления своего главенства, фактически ускользнул от нее: «монастырский приказ» было решено уничтожить, и московский клир торжественно доказал этим свою независимость, с каковой не могла сравниться независимость французских авторов декларации 1682 года.

То была на деле эфемерная победа, ибо стоило вскоре появиться Петру Великому, и он быстро уничтожил установленное таким образом равновесие, бросив на чашку весов всю тяжесть своего верховного абсолютизма. Требованиям, храбро поддержанным Никоном и его временными союзниками, не было, однако, суждено исчезнуть без следа, и они воскресли в более скромном виде в следующем веке в доктринах или в попытках Новгородского архиепископа, Феодосия, Арсения Мациевского или архимандрита Фотия.

Довольно еще слабое в 1666 году положение светской власти, представленное вторым Романовым, давало возможность тем более усилиться противной стороне, но Никон безнадежно скомпрометировал благоприятный для него исход спора всем тем, что он вкладывал личного в свои несправедливые нападки и отталкивающие мелочи. Он не мог победить, но для того, чтобы сокрушить своего страшного противника, Алексей должен был развить значительную силу и пережить жестокие волнения. По свидетельству одного очевидца, измученный все более и более бурными спорами, раздраженный диспут, в котором Никон удвоил свою наглость, государь однажды чуть не лишился чувств. Добравшись быстро до трона, он закрыл лицо руками. Но, тотчас же оправившись, он привел очень важное свидетельство: три письма, в которых Никон сам себя называл бывшим патриархом.

5 декабря был произнесен приговор, осуждавший обвиненного к лишению сана и к пожизненному заключению в монастырь. Спустя неделю два восточных первосвященника привели его в исполнение в церкви Чудова монастыря, действуя помимо Собора, который они старались избавить от подобного зрелища. Исполнение приговора состоялось почти тайно. Ввиду того, что Никон отказался исполнить это, Александрийский патриарх снял с него клобук, униженный очень дорогим жемчугом, и его не менее дорогую панагию.

— Берите, — кричал осужденный, — делите между собою мои пожитки, вы, турецкие рабы, принужденные всю жизнь мыкаться по свету нищими, в этот час вдалеке от Думы, народа и государя, вы грабите меня, как воры!

На Никона надели рясу, взятую у одного монаха, но, из страха перед народом, по мнению одних, по требованию царя, как свидетельствуют другие, оставили ему епископскую мантию и посох. Местом его ссылки был избран Ферапонтовский монастырь на Белом озере, по соседству с Белым морем.

«Все это не случилось бы, если бы я задавал роскошные обеды и отказался бы защищать истину!»

Так ораторствовал громко Никон, проезжая под сильным конвоем московские улицы и пытаясь возбудить толпу, которая действительно казалась очень расположенной принять его сторону. Бывшего патриарха принудили молчать, но чернь протестовала. Произвели множество арестов; в конце концов пришлось еще спрятать осужденного и для того, чтобы отправить его в путь, выследить его многочисленных сторонников. Он отказал в благословении, которое и на этот раз царь просил у него, не принял даже денежного подарка и шубы, пожалованной ему государем на дорогу, и 21 декабря был уже в Ферапонтове.

Там он отдал без сопротивления епископский посох и мантию, которые у него потребовали, но с трудом согласился на строгие епитимии, которые намеревались на него наложить. Отдан был приказ кормить его прилично и охранять от всякого оскорбления, не вместе с тем и запретить ему всякую переписку и «обеспечить ему покой» в келье, которая должна была отныне, по неосторожно высказанному кем-то желанию, служить ему тюрьмою.

Однако было не легко применить такой режим к заключенному с таким темпераментом и при том престиже, который он сохранил во многих местах. Для некоторых, даже из тех, кто кричал против него в дни его всемогущества, теперь — лишенный сана и изгнанный бывший патриарх был мучеником.

Все более и более многочисленные паломники, мужчины и женщины, стали стекаться толпами в Ферапонтово, расточая перед «святым» знаки сочувствия и благоговения и относясь к нему так, как если б он был еще увенчан белой митрою. Но уже со следующего

года новый смотритель, назначенный для наблюдения за патриархом, Наумов, был уполномочен усилить по своему усмотрению меры строгости и стал действовать не без некоторого излишнего усердия.

С другой стороны, Алексей, остыв после лихорадочной борьбы, вскоре был охвачен чувством страха, смешанного с раскаянием. Он не торопился заполнить вакансию патриаршего престола и, наконец решившись, остановил свой выбор на дряхлом и незначительном старике Иоасафе II. Без сомнения, им руководил политический мотив, знаменательная прелюдия к будущему уничтожению института, создававшего светскому самодержавию слишком опасную конкуренцию. Рожденный мановением этой власти, патриархат был предназначен встать к ней в противоречие и пасть в борьбе, не имея времени пустить корни в жизни народа, слиться с нею органической связью.

Воспитанный средой, которая только что начинала секуляризоваться, Алексей не отличался свободой мысли, облегчившей его сыну средство, на котором и остановился Петр.

Поразив мятежника, царь теперь был охвачен ужасом и страхом перед «помазанником Божиим», перед священнослужителем, которому когда-то он открывал свою душу.

Может быть также, «личный друг» владел еще его сердцем. И вот почему, снабжая толстыми железными прутьями окна своего пленника, Наумов должен был в то же время передать ему письмо государя; Алексей еще раз просил благословить его и простить. Ответ ясен.

«Как бы я мог тебя благословить? — писал Никон. — Осужденный вопреки всякой справедливости, я трижды проклял тебя, больше, чем Содом и Гоморру. Как бы я мог тебя простить? Изгнанный и заключенный в заточение, я обращаю на твою голову мою кровь и преступление всех твоих сообщников! Освободи меня, верни меня из изгнания, и ты получишь то, чего просишь».

В то же самое время, пользуясь этою корреспонденцией против своих стражей, обманывая игумена Ферапонтова, как и самого Наумова, и заставляя их называть себя патриархом и обращаясь с ними, как подобает его сану, он забрал в свои руки управление тем монастырем, где хотели содержать его втайне. Он даже наложил свою руку на управление его поместьями. К добытым таким образом доходам он прибавил вскоре доход с своих прежних монастырей, откуда монахи и крестьяне приходили выслушивать его приказания и приносили ему провиант и деньги.

Иоасаф только что был назначен, новый глава Ферапонтова не волновался этим назначением, считая нового главу церкви лишь ложным патриархом, как и Александрийского с Антиохийским, сыгравших с ним комедию суда, и которых он мог бы купить за три тысячи рублей! Царь сознал свою ошибку, и все должно было скоро устроиться.

Между тем проходили дни и месяцы и ничто не возвещало о подобном событии. Наумов начал беспокоиться. Очевидно, государь имел самое большое желание исправить сделанное им зло, но прием, встретивший его попытки к сближению, не был из ободряющих. Лучше было бы выказать побольше мягкости. Никон последовал этому совету и в сентябре отправил Алексею новое послание. Подписавшись на этот раз «смиранный инок Никон», он посылал свое благословение и прощение, прибавив, однако, что он делает это только в надежде предстать скоро перед «ясныя очи царя», после чего он в состоянии будет дать ему настоящее отпущение с помощью наложения рук, как того требует Евангелие и апостолы.

Результат все же был не тот, какого он ожидал: последовало приказание вынуть железные прутья из окон бывшего патриарха, послать ему разные яства, вкусных рыб и хорошие вина, пожаловать 1000 рублей, но ничего более. Никаких признаков, указывающих на то, что Алексей по пути улучшения взаимных отношений намеревался пойти дальше этих любезностей. Получив благословение и прощение, он платил за них по установленному тарифу и, успокоенный, хотел удовлетвориться этим.

Никон со своим обычным упрямством и совершенным отсутствием прозорливости, придя в раздражение, написал еще раз, без всякого стыда крича о своей бедности. Как когда-то в «Новом Иерусалиме», он жаловался, что был доведен до такой нищеты, что сам должен был собирать валежник для печей, и, наконец, не нашел ничего лучшего, как выдумать новый заговор, который на этот раз уже угрожал жизни царя и в котором, приписывая себе заслуги этого открытия, Никон старался обвинить самых лютых своих врагов.

Это значило играть в крайне опасную игру, так как донос влек за собою неизбежный сыск, последствия которого могли оказаться во всяком случае только крайне губительными для самого доносчика. Он доказал прежде всего со всей очевидностью, что Никон совсем не рисковал умереть от голоду в Ферапонтове, так как садки, служившие для его кухни, изобиловали огромными стерлядями, и он мог пользоваться избранными блюдами в серебряной посуде с вензелем «патриарха милостью Божией», каковым не был Иоасаф. Такая надпись повторялась на множестве крестов, поставленных им в окрестностях монастыря.

Более того, следователи открыли след крайне подозрительных сношений, недавно завязанных между изгнанником и донскими казаками, поднявшимися в это время под начальством Стеньки Разина. На Никона собирался даже донести по этому поводу один монах, который, однако, в момент отъезда своего в Москву, выпив лишнее, бросился в чан с кипящею водою.

Бывший патриарх еще боролся, осужденный, в результате таких разоблачений, на более строгое заключение: он постепенно переходил от гордого высокомерия к униженным просьбам и только в

1671 году, попытавшись в последний раз запугать Алексея рассказом о чудесных видениях, которых он милостиво удостоился, Никон отправил в Москву акт о своей покорности и окончательном отступлении от всего. Тем не менее он не сумел обойтись без того, чтобы не примешать к этому некоторую экстравагантность и массу лжи. Желая оправдать во что бы то ни стало свое поведение, он утверждал, что желал сначала ожесточить сердце Алексея, чтобы принудить его снять с него слишком большую тяжесть потом, чтобы подействовать ему забыть своего старого друга. Желая разжалобить царя, он сказался больным, почти умирающим и все еще настолько бедным, что не в состоянии был оставить свою келью, не имея чем прикрыть свою наготу.

Но в конце концов он сознавался в своих ошибках и в свою очередь просил прощения. И Алексей был тронут. Он не говорил о возвращении изгнанника; обходя молчанием его очевидно нелепые объяснения, он запрашивал его по поводу проектировавшейся встречи со Стенькой Разиным, но эти слова уже были обращены к «святому и великому отцу», получившему в то же время великолепные подарки, причем царь сопровождал все эти милости личными оправданиями: он не принимал участия в осуждении Никона; за него ответственны одни лишь восточные патриархи и Собор.

Благодаря этому «святой и великий отец» надеялся по крайней мере добиться перевода в Воскресенский монастырь. Он и тут жестоко ошибся, но зато положение Никона в Ферапонтове значительно улучшилось. Более, чем когда-либо, он стал там разыгрывать роль хозяина, причем вскоре стал притязать свои притязания и на соседний монастырь св. Кирилла и принялся там за такое бессовестное вымогательство, что местные монахи писали ферапонтовским: «Ваш батько нас прямо съедает!» Он не боялся даже надоедать государю своими постоянными требованиями и жалобами, отмечая, например, что при посылке яств, предназначенных для него, он не находил винограду или вишен в достаточном количестве.

Пользуясь значительными и частыми получками от царя по случаю столь многочисленных в православном календаре праздников, располагая шестью монастырскими владениями, назначенными для его поддержки, добывая из них ежегодно тридцать пять ведер лучшего вина, восемьдесят ведер меда, тридцать ведер уксуса, пятьдесят семг, двадцать белуг, семьдесят стерлядей, сто пятьдесят свежих щук, две тысячи двести пятьдесят штук другой рыбы, четыреста штук копченой, тридцать пудов икры, пятьдесят пудов свежего масла, пятьдесят ведер сливок, десять тысяч яиц, пряностей, лимонов, муки в значительном количестве, владея одиннадцатью лошадьми на конюшне, тридцатью шестью коровами в стойле и двадцатью двумя слугами, Никон все же не переставал плакаться.

Утомленный этими жалобами, Алексей решил обратиться «поставку натурою» бывшему патриарху в деньги и дополнить эту

сумму до полного удовлетворения всех его потребностей. Но «святой и великий» человек остался в Ферапонтове. Царь был озабочен в то время задачами более насущными.

Валишевский К. (5, с. 108—118)

Таким образом, все церковное управление на Руси в XVI и XVII столетиях находилось под постоянным, очень бдительным и действительным контролем государственной власти, так как избирал и назначал и патриарха и всех епархиальных архиереев государь: он, чрез назначаемых к ним архиерейских бояр, дворецких и дьяков, наблюдал за всею их иераршею деятельностью и в любой момент мог оказать на нее то или другое давление, чтобы направить ее согласно с своими видами и целями. О какой-либо самостоятельности и независимости в древней Руси патриаршего и просто архиерейского епархиального управления от светской государственной власти не может быть и речи, все зависело от одного государя, который в действительности управлял не только государством, но и самою Церковью чрез своих высших духовных сановников — архиереев.

Указанное отношение светской власти к духовной Никон находил совершенно неправильным и ненормальным и решил, когда сделался патриархом, коренным образом изменить его.

Главною задачею своего патриаршества Никон поставил реформировать указанные исторически сложившиеся у нас отношения светской государственной власти к духовной в том смысле, чтобы в лице патриарха освободить духовную власть от всецелого подчинения ее власти светской, поставить власть патриарха во всех церковных делах и управлении независимую от царской власти, а во всех делах государственно-общественных усвоить патриарху право иметь над ними высший духовный контроль, чтобы они совершались согласно Слову Божию, правилам св. апостолов и св. отцов, вселенских и поместных соборов и законам древних благочестивых греческих царей. Именно поэтому Никон, при своем избрании в патриархи, торжественно потребовал, чтобы царь, бояре и весь народ дали ему публичную клятву, что они будут соблюдать все заповеди Божии, все церковные правила и законы, и по всем делам веры и церкви будут слушать его, Никона, «яко начальника и пастыря и отца краснейшаго».

Исходною точкою для выступления Никона в качестве горячего и энергичного сторонника возвышения духовной власти в государстве, в видах ее полной самостоятельности и независимости от власти светской-государственной, служил особый взгляд, какой Никон имел на царя и патриарха в их взаимных отношениях. Этот взгляд Никона изложен, во всеобщее сведение, в напечатанном по его благословению предисловии к служебнику 1655 года. В нем заявляется, что Бог даровал России «два великие дара» — царя и патриарха, которыми все строится как в церкви, так и в государстве. Ввиду этого все

православные русские торжественно приглашаются «восхвалити и прославити Бога, яко избра в начальство и снабдение людем своим сию премудрую двоицу: великаго государя царя Алексея Михайловича и великаго государя святейшаго Никона патриарха, иже... праведно и подобно преданные им грады украшают, к сим суд праведен... храняще, всем всюду сущим под ними тоже творити повелеша... Да дасть же им, государем, по пророку, желание сердец их... яко да под единым их государским повелением вси, повсюду православии народи живуще, утешительными песнями славити имут воздвигшаго их истиннаго Бога нашего».

Никон, сделавшись патриархом, быстро достиг своей заветной цели. Пользуясь особым исключительным доверием молодого государя и своим огромным влиянием на него, он сделался совершенно независимым от царя господином всего церковного управления, в которое царь уже не вмешивался. Но этого мало. Царь сделал Никона, рядом с собой, великим государем, и великий государь-патриарх стал теперь принимать активное участие в государственных делах наравне с настоящим государем и даже иногда, как замечали некоторые, стал заслонять собою настоящего государя. Во время почти двухлетнего отсутствия Алексея Михайловича в войну с поляками Никон, в качестве великого государя, один управлял всеми государственными делами, причем знатнейшие бояре, ведавшие различные государственные приказы, должны были ежедневно являться к нему с своими докладами. Нередко Никон заставлял бояр долго ждать своего приема на крыльце, хотя бы в это время был сильный холод, и затем, приняв их, выслушивал доклады стоя, не сажая докладчиков, которые должны были делать ему земной поклон. У Никона совсем закружилась голова. Он стал думать, что дарованная ему царем исключительная власть и положение в государстве принадлежат ему по праву, что светская власть так именно и обязана относиться к власти духовной, как высшей ее по своему существу и происхождению. Никон не понял, что его особое положение, как великого государя, не имеет под собой никакой другой реальной почвы, кроме увлечения и просто каприза молодого царя, что он в этом случае не более, как случайный временщик, и что, с изменением его личных отношений к царю, неизбежно должно измениться и его государственно-общественное положение, а окончательный разрыв с царем неминуемо должен был повести Никона к окончательному падению. Такой разрыв с царем действительно произошел, и Никон, этот великий государь, сразу пал, как и всякий обыкновенный временщик.

Будучи великим государем, Никон пользовался своим исключительным положением только фактически, считал его только своим личным делом, только принадлежащим лично ему,

Никону, вовсе не думая и не заботясь придать ему характер законности и обязательности с тем, чтобы свои исключительные права и положение передать своему преемнику, как право, принадлежащее всякому патриарху, по самому существу и природе патриаршества. Но когда Никон по неудовольствию на царя неожиданно оставил свой патриарший престол, а царь не обнаруживал никакого желания снова призвать Никона на патриаршество, тогда он, как человек очень честолюбивый, увлекающийся и неуступчивый в своих домогательствах, решился, и после оставления им патриаршей кафедры, бороться с царем и всем доказать, что высокое исключительное положение в государстве его, Никона, не было следствием милости или каприза царя, а принадлежало ему по праву, как главе церкви, как верховному представителю духовной власти, которая по самому своему существу и происхождению во всех отношениях выше власти светской.

Свои воззрения на отношение царства и священства Никон очень откровенно и определенно выразил в своем обширном сочинении под заглавием: «Возражение или разорение смиренного Никона, Божию милостию патриарха, противу вопросов боярина Симеона Стрешнева, иже написа газскому митрополиту Паисию Лигаридуусу и на ответы Паисеовы».

В этом сочинении Никон доказывает прежде всего ту общую мысль, «яко священство и самого царства честнейшия и большии есть начальства», так как, заявляет он, «аще бо и честен вам престол царский является от приложенных ему камней и обдержажши и злата, должен есть судитися яко царь, но обаче яже на земли получил есть строительствовати, и умножае сия власти не имать ничтоже». Другое дело священство: «его престол на небеси посажден есть», и кого священство свяжет на земле, тот будет связан и на небе. «Сего ради,— утверждает Никон,— и царие помазуются от священническую руку, а не священники от царствия руки, и самую царскую главу под священников руце принося полагает Бог, наказуя нас, яко сей она больши есть властник, меньшее бо от большого благословляется». Никон заявляет: «Господь Бог всесильный, егда небо и земли святити повеле: солнце нам показа власть архиерейскую, месяц же показа власть царскую, ибо солнце явщи светит во дни, яко архиерей душам, меньшее же светило в нощи, еже есть телу». Ссылаясь на разные библейские примеры, Никон обращается к Паисию Лигариду с вопросом: «како убо глаголеши, совопрониче, яко царь вручи Никону досматривать всяких судеб церковных — не виде в вышеписанных, яко не от царей начальство священства приемлется, но от священства на царство помазуются, тем же явлено есть множество, яко священство царства преболее есть». Никон подробно говорит об учреждении

ветхозаветного и новозаветного священства, о распространении по разным странам христианства, вместе с которым повсюду распространялась и церковная иерархия, рассказывает, как она возникла и распространилась на Руси, из всего сказанного делает такое заключение: «что священство не от человека, ни человеком, но от Самого Бога и — нынешнее, а не от царей, но паче от священства царство преизыде и ныне есть. Священство всюду пречестнейше есть царства, якоже выше на знаменах от божественнаго писания, и ныне паки речем: царство, аще и от Бога дадеся в мир, но во гневе Божии, и ее чрез священство помазуется чувственным елеом, священство же помазание Св. Духом непосредственны. Власть священства толико гражданския лучши есть, елико земли небо, паче же и много вящше... Яко же капля дождя от великия тучи — то есть земля от небеси мирится, тако и царство меньшеется от священства». С сильным негодованием Никон спрашивает: «да почто сам царь поповы руки целует, которые нами посвящены и, ко благословению приходя, и сам главу свою преклоняет? И мы тому чудимся: почто царь архиереем и ереом нудить руки своя целовать, не суть архиерей, ни иерей?» С гневом и угрозой, обращаясь к царю, Никон пишет: «аще и ему, государю, за премногую его гордость, мнится священство менши царства, познает тогда различие царства и священства, егда познани будем от нелицемернаго судии — Христа и Бога нашего». О себе, как патриархе, Никон пишет: «патриарх есть образ жив Христов и одушевлен, делесы и словесы в себе живописуя истину». В другой раз Никон говорит: «первый архиерей (т. е. патриарх) во образе Христове, а митрополиты и архиепископы и епископы в образе учеников и апостолов». Ввиду всего этого Никон пишет государю: «молим твое благородие нас, богомольцев, не послушати клеветы от лихих человек, и не прикасатися наме, помазанныкам Божиим, судом и управою чрез каноны».

Таким образом, Никон употреблял все усилия доказать, что то необыкновенно высокое положение, какое он, будучи патриархом, занимал относительно светской власти, вовсе не было случайным, зависящим от того или другого расположения к нему царя, но что оно принадлежало ему, как главе церкви, по праву, так как священство выше царства, и притом настолько, насколько небо выше земли. Священство — это душа, царство — тело. Как душа есть высшее в жизни человека начало, руководящее и регулирующее жизнь тела, так духовная власть, как высшее начало, должна руководить светскою властью, которая, как низшая, обязана слушаться и подчиняться власти духовной, во всем сообразоваться с ее требованиями и указаниями, — законы и правила церкви, по самому своему происхождению, святы, непогрешимы, и потому они всегда должны быть незы-

блемою, уряжающею основою не только для церкви, но и для государства. Значит, всякая попытка светской власти подчинить себе духовную, поставить ее в полную зависимость от себя, а тем более воздействовать на нее, в своих мирских интересах, видах и целях, принудительным образом, есть явление не просто незаконное, но прямо преступное, за которое светская власть должна подвергнуться тяжкой ответственности.

Высказанные Никоном воззрения на отношения между светской властью и духовной были так новы и необычны для русских, так сильно расходились с тем, что давала и завещала им и византийская и своя история, так далеки были от исторически сложившихся воззрений на нашу высшую духовную иерархию, что никак, по-видимому, не могли рассчитывать на какое-либо сочувствие с чьей бы то ни было стороны в среде всего русского народа. Но в действительности у нас нашлись горячие поборники воззрений Никона, что священство выше царства. Такими горячими поборниками воззрений Никона на отношение царства и священства оказались все тогдашние русские архиереи. Правда, тогдашние архиереи считали Никона своим поработителем, всячески желали и добивались его окончательного низвержения, но зато относительно высказанных Никоном воззрений на отношение царства и священства они решительно стали на его сторону и даже торжественно и официально отважились выразить и защищать это на соборе 1667 года, на котором председательствовали два приехавших в Москву восточных патриарха — Паисий александрийский и Макарий антиохийский.

Каптерев Н. Ф. (7, с. 260—266)

Список литературы

1. Алферова Г. В. К вопросу о строительной деятельности патриарха Никона // Архитектурное наследство. — М., 1969. — № 18. — С. 30—44.
2. Богданов А. П. Перо и крест: Рус. писатели под церков. судом. — М.: Политиздат, 1990. — 480 с.: ил.
3. Буганов В. И., Богданов А. П. Бунтари и правдоискатели в русской православной церкви. — М.: Политиздат, 1991. — 526 с.: ил.
4. Буганов В. И. Мир истории: Россия в XVII столетии. — М.: Мол. гвардия, 1989. — 318 с.: ил. — (Эврика).
5. Валишевский К. Первые Романовы. — Репринт. воспроизведение изд. 1911 г. — М.: Сов. писатель, 1990. — 479 с.
6. Гунн Г. П. Патриарх Никон и Елеазар Анзерский // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. — Л., 1985. — С. 230—242.
7. Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович: В 2 т. — Сергиев-Посад, 1909—1912.

8. Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович // Три века. Россия от Смуты до нашего времени. — Репринт. изд. — М., 1991. — Т. 1. — С. 255—274.

9. Ключевский В. О. Сочинения: В 8 т. Т. 3. Курс русской истории. Ч. 3. — М.: Политиздат, 1957. — 426 с.

10. Козлов О. Ф. Дело Никона // Вопр. истории. — 1976. — № 1. — С. 102—114.

11. Кошелева О. Е. Боярство и дело патриарха Никона // Проблемы истории СССР. — М., 1982. — Вып. XII. — С. 16—33.

12. Соловьев С. М. История России с древнейших времен: В 15 кн. Кн. 6. Т. 11/12. — М.: Соцэкгиз, 1963. — 683 с.